L'epigramme grecque. Entretiens sur l'antiquité classique, t. XIV, Fondation Hardt pour l'étude de l'antiquité classique, Vandoevres—Genève, 1968

Безгранично разнообразна греческая эпиграмма — метрическая надпись и книжное стихотворение — от лаконичного текста надгробия и величественного посвящения до шутливого и фривольного застольного экспромта, прописных истин или гротескной инвективы. Эпиграмму часто называют загадочным феноменом греческой и европейской поэзии. Неизмерим ее хронологический диапазон от надписей VIII в. до н. э. до поздних текстов византийского периода. Первые эпиграммы пришли к нам непосредственно из гомеровского мира ровесницами «Илиады» или старшими современницами «Одиссеи», являясь древнейшими памятниками греческой письменности [1]. Все еще не написана история греческой эпиграммы, но в добротных научных публикациях ее текстов и в исследованиях последних десятилетий уже заложены прочные предпосылки к ее созданию. С каждым годом растет число статей, посвященных различным вопросам изучения и интерпретации эпиграмм различных периодов [2]. Поэтому выбор темы для четырнадцатого тома «Женевских бесед по изучению классической древности» был подсказан всей научной конъюнктурой. Предстояло осветить многие неясные и спорные вопросы, определить направление дальнейших исследований, приблизить появление столь необходимой истории античной эпиграммы.

Собеседование проводилось с 28/VIII по 3/IX 1967 г. под председательством проф. А. Диле (ФРГ). Кроме семи докладчиков в нем участвовал проф. Г. Пфоль, один из наиболее ревностных исследователей и популяризаторов греческой эпиграммы, которого его коллеги называют продолжателем трудов И. Франца и В. Ларфельда. Об архаической эпиграмме VIII—VI вв. говорил проф. А. Раубичек (США), автор публикации свода древнейших афинских посвятительных надписей, археолог и специалист по греческой эпиграфике. Оба вида древнейшей эпиграммы — надгробную надпись и посвящение — он рассматривал в связи с тем памятником, для которого они предназначались.

Если до сих пор неясно, по какую сторону грани, отделяющей словесное творчество (фольклор) от письменного (литература), лежат гомеровские поэмы и первые хороэпические произведения, то привлеченный докладчиком материал убедил в том, что литература начинается именно с эпиграммы, так как надпись на памятнике изначально предназначалась для чтения и была обращена как к современникам, так и к потомкам. Проф. Раубичек показал, что любая архаическая эпиграмма неотделима от памятника и является его существеннейшей частью. Настаивая на всецело утилитарном характере надписи, докладчик считает, что столь частое в ней обращение от первого лица не свидетельствует о существовании представлений об одушевленности данной надгробной стелы или посвятительного дара и отвергает распространенное в науке определение «говорящая стела», «говорящий дар». Однако серьезных аргументов он не приводит, и полемика остается завуалированной, в то время как сторон-

---

[1] G. Pfohl, Die ältesten Inschriften der Griechen, Quaderni Urbinati di Cultura Classica, v. VII, 1969, стр. 7—25; A. E. Raubitschek, Die Inschrift als geschichtliches Denkmal, «Gymnasium», Bd LXXII, стр. 511—522; T. B. L. Webster, Notes on the writing of early Greek Poetry, «Glotta», Bd IIXL, Ht 3—4, 1960, стр. 251—263.

[2] G. Pfohl, Bibliographie der griechischen Versinschriften, Heidelsheim, 1964. Из новых публикаций укажу лишь 2-е издание текстов H. Beckby, Anthologia Graeca, Bd. I—IV, München, 1965; The Greek Anthology. Hellenistic Epigrams ed. A. S. F. Gow & D. L. Page, v. I—II, Cambr., 1965; The Greek Anthology. The Garland of Philip and some others contemporary Epigrams ed. A. S. F. Gow & D. L. Page, v. I—II, Cambr., 1968.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ники противоположных взглядов обосновывают их на всестороннем анализе особенностей античного художественного сознания в различных формах его проявления в разные исторические эпохи [3]. Полемическая направленность свойственна всему выступлению проф. Раубичека, но он всегда очень осторожен и не скрывает скептического отношения ко всем максималистам в науке. Эта тенденция проявляется особенно четко, когда он анализирует мемориальные эпиграммы, т. е. те, которые известны только на памятниках (Denkmalepigramm). Следами прошлого таких эпиграмм являются гомеровская традиция, современная данной надписи поэзия, древние микенские песнопения, погребальный и посвятительный ритуалы и обряды. Докладчик признает возможное наличие всего перечисленного, но предостерегает от переоценки одного какого-либо фактора в процессе возникновения и становления эпиграммы. Еще в 50-е годы В. Пек указывал на тенденцию преувеличивать роль гомеровского влияния на эпиграмму [4]. Раубичек, следуя методу Г. Гоммеля, П. Фридлендера и Г. Люмпа [5]. находит в эпиграммах следы влияния гомеровского эпоса, но далее берет под сомнение характер и источник влияния, так как выделяет в тексте «Илиады» эпитафии и посвятительные надписи, искусно вплетенные в ткань эпического повествования. Т. Уэбстер и Д. Нотопулос первыми обнаружили в эпиграммах следы общепоэтического языка, который, по их мнению, уводит за гомеровскую и хороэпическую поэзию, даже за ту общепоэтическую традицию, которую так долго сберегали рапсоды, и коренится в той же микенской койне, включившей в себя и наследие устных песен [6]. На полное раскрытие всех элементов, отразившихся в эпиграмме, проф. Раубичек не претендовал; он указал только, что они были для эпиграммы сырьем (Rohmaterial) и эпиграмма никогда не может рассматриваться как простая сумма всех ее ингредиентов. Выступавшие в прениях по первому докладу предлагали свои дополнения и уточнения относительно корней или элементов эпиграмматической надписи. Так, отмечена была дидактическая направленность ранних эпиграмм, а в качестве догреческой модели упоминалась недавно найденная на Кипре финикийская надпись IX в. до н. э. [7] Ни регламентом времени, ни ограниченностью темы нельзя, однако, оправдать некоторые недостатки доклада А. Раубичека, не отмеченные его коллегами. Все тексты эпиграмм рассматривались им вне тех конкретно-исторических условий и той социальной среды, в которой надпись создавалась и бытовала. Ничего не было сказано о роли лирического начала в эпиграмматическом творчестве. Проф. Ж. Лябарб ссылался в прениях на влияние лирических произведений на эпиграммы. В названной статье Т. Уэбстера отмечалось, что древнейшие эпиграммы VIII в. скорее лексически ориентированы на лирическую, чем на эпическую, поэзию (стр. 252, прим. 9). Но никто не указал, что первые эпиграммы были уже имманентно лирическими, так как текст, сопровождавший памятные предметы, должен был изначально выразить эмоциональное отношение к сообщаемому факту [8]. Все же споры в прениях об языковом своеобразии эпиграмм не были плодотворными, хотя этот вопрос сейчас и очень актуален. Сам докладчик всячески обходил его, демонстрируя свою неприязнь к оценкам по субъективным впечатлениям. Но пока отсутствуют исследования об языке ранних метрических надписей, преждевременно спешить с выводами.

Следующий исторический период (VI—V вв.) избрал для доклада «Эпиграмма и элегия» итальянский филолог Б. Джентили. Пресловутый вопрос о соотношении эпиграммы и элегии он связал с загадкой происхождения греческой элегии, отвергая полностью теорию происхождения элегии из похоронных плачей. Эта теория, единственная из дошедших до нас, была выдвинута в III в. до н. э. александрийскими грамматиками и полностью усвоена Горацием. Явная ее слабость в том, что она не учитывает всего многообразия видов греческой элегической поэзии, большинство которых невозможно свести к одной тренодии. Докладчик предостерегал от поспешных новых гипотез, ссылаясь на

[3] B. Snell, Die Entdeckung des Geistes, Hamburg, 1955; H. Fränkel, Wege und Formen frühgriechischen Denkens, 2. Aufl., München, 1960; он же, Dichtung und Philosophie des frühen Griechentums, München, 1962.

[4] W. Peek, Πείρατα τέχνης, «Wissensch. Zeitschr. des Universität Halle», Bd IV, 1954—55, стр. 215—237.

[5] H. Hommel, Der Ursprung des Epigramms, «Rhein. Museum», Bd. LXXXVIII, 1939, стр. 193—206; P. Friedländer — H. B. Hoffleit, Epigrammata, Berkeley — Los Angeles, 1948; H. M. Lump, Die Arniades-Inschrift aus Korkyra, «Forschungen und Fortschritte», Bd XXXIIX, Ht 7, 1963, стр. 212—215.

[6] J. Notopoulos, Homer, Hesiod and the Achaean heritage of oral Poetry, «Hesperia», Bd XXIX, 1960, стр. 194—196.

[7] P. Dikaios, A guide to the Cyprus Museum, Nicosia—Cyprus, 1953.

[8] Термин «лирика» и «лиричность» употреблены мною в общепринятом смысле для определения такого произведения, в основе которого лежит образ-переживание, характерный как для фольклорной, так и для авторской лирики.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

наши пробелы в языковом материале и на недостаточную степень изученности того, что приносят папирусы в области ранней греческой поэзии. Ценным в докладе было обращение к элегии как к поэзии, возникшей в условиях длительного и дисхронного процесса становления греческих полисов и отразивших этот процесс художественным сознанием. Б. Джентили сумел показать, что элегия лишь внешне опиралась на эпос, но в своем стремлении стать выразительницей новых чувств и настроений внутренне отрицала всю эпическую поэзию. Прагматическая по своим функциям, парентетическая и дидактическая по целям, элегия жила в иной, чем эпос, аудитории, которая сложилась в обстановке комоса, симпосиума или авлодии. Идеальную форму для мемориальной надписи практика нашла в двустишии, вначале гекзаметрическом. Впоследствии же излюбленным размером эпиграмм сделался элегический дистих. Обычно в его первой части, в гекзаметре, констатировался сообщаемый надписью факт, а пентаметр выражал отношение к нему. Наблюдение это было сделано в публикации П. Фридлендера и, не являясь правилом, примечательно, что подчеркивает значение перехода элегического дистиха в эпиграмму. Благодаря ему последняя освободилась от внутренней связи с эпосом, приобрела новые интонации и вошла в тот мир, который до нее был раскрыт лишь элегической и ямбической поэзией [9]. После доклада проф. Джентили сразу же возник спор, кто и когда перенес элегический дистих в эпиграмму. Считается, что впервые Архилох заменил в треподии гекзаметр элегическим дистихом, а затем свое нововведение перенес в эпитафию [10]. В Палатинской антологии под именем Архилоха сохранилась эпитафия Аристофона и Мегатима, в которой видят одну из первых подобных проб (AP VII 441). Но здесь спорна не только атрибуция и хронология этой эпиграммы, но и факт ее существования в виде надписи. Несмотря на шаткость критерия и заведомо научную несостоятельность деления эпиграмм на мемориальные и книжные, участники диспута долго спорили о нем, так как до сего времени оно остается единственным в издательской практике [11].

Оба первых доклада заслуживают столь подробного разбора, так как в них на малоизученном материале ранних периодов четко прогнозированы возможные направления будущих исследований и оба они далеки от того узко литературоведческого подхода, при котором авторские гипотезы или критерии зачастую лишены реальных основ.

Тема английского филолога Д. Джанграндe (Лондон) «Симпотическая литература и эпиграмма» была задумана как переходная от изучения ранней эпиграммы к эпиграмме эллинистического периода. Становление эллинистической эпиграммы — процесс сложный, почти неизученный, едва прослеживаемый на его отдельных этапах [12]. В эпоху эллинизма эпиграмма сделалась основной художественной формой выражения чувств в поэзии. По-прежнему оставаясь по своему назначению надписью, она начала служить уже новым, эстетическим целям. К сожалению, на собеседовании не была представлена эпиграмма V—IV вв. до н. э., так называемая симонидовская и платоновская, при рассмотрении которой, возможно, наметился бы переход от эпиграммы-надписи к книжному стихотворению. Проф. Джанграндe остановился на том типе эллинистической эпиграммы, который Р. Рейтценштейн некогда назвал ионийским и связал со сколием и с застольной элегией [13]. Такие эпиграммы наиболее далеко отстоят от простейших форм мемориальных надписей, и связь между ними почти неуловима. О ней в докладе не упоминалось, но подробно разбирались застольные мотивы феогнидовского сборника, аттических сколий,

[9] Об идейной общности элегической и ямбической поэзии Б. Джентили писал ранее в статье о Мимнерме — «Maia», XVII, 1965, стр. 366—397.

[10] О поисках таких первооткрывателей см. A. Kleingünther, Πρῶτος εὑρετής, Untersuchungen zur Geschichte einer Fragestellung, Lpz, 1933. Приоритет Архилоха признают C. Баура (Early Greek Elegistes, Cambr., 1960), П. Фридлендер в вышеуказанной публикации, Г. Гоммель (ук. статья, стр. 204), А. Раубичек (рецензиз. сборник, стр. 89). Подробно об Архилохе см. Entretiens..., t. X, 1964.

[11] Субъективность критерия подобного разделения обнаружилась в полной мере в публикации Прегера и отмечалась всеми рецензентами этой до сих пор незаменимой книги как ее основной недостаток — Th. Preger, Inscriptiones Graecae metricae ex scriptoribus praeter Anthologiam collectae, Lpz, 1891, см. также L. Weber, Steinepigramm und Buchepigramm, «Hermes», LII, 1917, стр. 536—557. Уже в наше время В. Пек, например, не включил в свое монументальное издание эпитафий указанную эпиграмму Архилоха, считая ее всецело книжной, но привел эпитафию Мидаса, также дошедшую лишь в поздних литературных источниках и не менее спорную.

[12] Один из этапов такого становления рассмотрен мною в статье «К вопросу о становлении эллинистической эпиграммы (поэзия Эринны)», Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae, XVIII, fasc. 3—4, 1970, стр. 263—277.

[13] R. Reitzenstein, Epigramm und Skolion, Giessen, 1893.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

мелической поэзии и эпиграмм. Докладчик стремился путем сличения мотивов установить, какие изменения вносили в них эллинистические поэты и каким образом перефразировали сложившийся задолго до них сложный поэтический язык застольной песни. Характеристику этого языка Д. Джанграндe завершил шутливой цитатой:

Sie sprechen eine Sprache,
Die ist so reich, so schön,
Doch keiner der Philologen
Kann diese Sprache verstehn...

Они пользуются языком,
Который столь богат, столь красив,
Но никто из филологов
Не может его уразуметь...

Докладчик все же попытался дать примеры своего толкования, но сколь субъективен был избранный им перечень застольных мотивов, столь же произвольным оказалось блещущее остроумием и неожиданностями толкование условностей поэтического языка. Проф. Джанграндe давно успешно занимается изучением эллинистической эпиграммы, но здесь его выступление было неудачным. Разбор тех же застольных мотивов и анализ их роли в эпиграмматической поэзии привел бы к иным результатам, если бы в докладе были использованы древнейшие эпиграммы застольного типа, начиная, например, с загадочной надписи на так называемом кубке Нестора VIII в. до н. э., найденном в 1954 г. [14] Очень важно было бы рассмотреть конкретную пиршественную обстановку и ее ритуал в различные исторические эпохи и в разных условиях, выяснить причины, побудившие поэтов перейти от реальных пиров к поэтическим фикциям, и т. д. Такой анализ воскресил бы для нас мотивы и образы застольной поэзии, помог бы воссоздать живые облики ее творцов или преобразователей, слушателей или читателей, раскрыть ее начальные цели и задачи и объяснить дальнейшую эволюцию.

Справедливость таких дезидерат вполне подтвердил эпиграмматически лаконичный доклад Л. Робера, занявший всего 13 страниц печатного текста. Знаменитый специалист в области эпиграфики, профессор Коллеж де Франс выбрал своей темой сатирические эпиграммы Лукиллия на атлетов и показал, как события и факты реальной жизни стадионов и гимнасиев художественным сознанием поэта были преобразованы в яркие поэтические фикции, воплощены в привычные формы посвятительных надписей и, наконец, благодаря всему этому преображены в пародийные и сатирические стихотворения. Известно, что сатирическая эпиграмма стала преобладающим типом эпиграмм в европейской поэзии. Так как все еще не изучены сатирические жанры античности, невозможно установить место среди них для сатирической эпиграммы, но доклад проф. Робера оказался подлинной главой еще ненаписанной истории последней.

«Искусство вариации в эллинистической любовной эпиграмме»— тема доклада проф. В. Людвига (ФРГ). Если проф. Робер использовал такие частные наблюдения, которые сами подсказали закономерность обобщений, то здесь сразу же была сделана заявка на самые широкие обобщения на основании мелких частных и даже субъективных наблюдений. Даже античные и византийские ученые отказывались устанавливать имена авторов эпиграмм в тех случаях, где они не были обозначены, так как вариативность тем, мотивов, образов лексических и композиционных средств являлась основным стилистическим принципом эллинистической поэзии. Попытка же современного исследователя разыскивать прообраз вариантов и на его основании устанавливать авторство и хронологию для воссоздания определенного вида поэзии никак не может восприниматься серьезно. Прежде всего, докладчик определил любовную эпиграмму как особый поэтический жанр, возникший на рубеже IV— III вв. до н. э., но при этом ни спорное понятие «жанр», ни произвольно названная дата, ни спорные заключения о существовании подобного вида элегии не были аргументированы. Почему-то докладчик не счел возможным обращаться к тем видам греческой поэзии, где любовная тема существовала изначально, либо вошла в них со временем, как, например, в эпос и эпиллий. Полностью игнорировал он те древние мемориальные эпиграммы, где любовные мотивы уже были представлены, например надпись на кубке Нестора или же аттическую эпитафию VI в. до н. э. (№ 59 по Фридлендеру). Обо всем этом говорили выступавшие в прениях. Но никто не отметил, что связь эпиграммы с лирикой уже предопределила возможность появления в ней любовной темы, и в этом было главное. Принципиальной методологической ошибкой проф. Людвига было представление о полной внешней изоляции всех греческих литературных жанров и об имманентности развития каждого из них. Порочность постулата определила характер и результат исследования.

Доклад бельгийского профессора Ж. Лабарба (Льеж)—«Гномические аспекты греческой эпиграммы»— был посвящен анализу тех эпитафий и посвятительных надписей, в которых четко была

[14] Первая публикация сразу же возбудила поныне нескончаемые споры: G. Büchner—C. F. Russo, La coppia di Nestore e un'iscizione metrica, «Rendiconti Lincei», v. X, 1955, стр. 215—234. Обзор материала см. K. Rüter—K. Matthiessen, «Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik», Bd II, 1968.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

представлена гномическая тенденция, следствие всей дидактической направленности ранних эпиграмм. Несмотря на обилие собранного материала и на интересные частные наблюдения над ним, докладчик не смог установить отличие гномы от поговорки, сентенции или гипотеки, а синхронность изложения привела к антиисторическому подходу ко всему материалу.

«Беседы о греческой эпиграмме» были завершены докладом проф. Г. Люка (Бонн, ФРГ), анализирующего эстетику изысканной эллинистической эпиграммы, где образ или настроение создавались несколькими меткими штрихами («Witz und Sentiment im griechischen Epigramm»). Проф. Люк разбирает эпиграммы лишь формально мемориальные. По его мнению, эпиграмма с начала III в. до н. э. превратилась в некую «поэтическую декорацию разнообразных явлений человеческой жизни» (стр. 391), полностью лишенную возможности выражать личность автора. Последнее положение докладчик доказывает тем, что вместо чувства (Gefühl), в эпиграммах представлена чувствительность (Sentiment), а вместо юмора (Humor) — остроумие (Witz). Чувствительность и остроумие — область стиля, т. е. авторской техники, они являются свойствами образной формы, но не содержания. Последнее наблюдение чрезвычайно примечательно, так как если оно найдет подтверждение при соответствующем анализе всей греческой эпиграммы начиная с VIII в. до н. э., то разгадка эпиграммы как литературного феномена, по моему мнению, уже намечена. Именно греческая эпиграмма была тем видом словесного письменного творчества, где сразу же обнаружилась личная тема. На всех этапах существования эпиграммы эта тема претерпевала различные изменения, прежде чем автор сознательно и серьезно переосмыслил ее на основе своих собственных переживаний, будучи уже уверенным в том, что его личный внутренний мир завоевал себе право на художественное воспроизведение. Этот шаг был, как мне кажется, полностью подготовлен эпиграммой эллинистической, но сделать его стало возможным лишь за пределами греческого мира. Он был осуществлен римлянами, которые в иных условиях оказались наследниками поэтического и духовного богатства греков. Греческую эллинистическую эпиграмму они восприняли иначе, так как ее длительное прошлое не было их собственным прошлым. Возможно поэтому такая эпиграмма определила многочисленные виды их собственной лирической поэзии на разных этапах ее существования.

Ни этого вывода, ни намеченного мною единого пути развития греческой эпиграммы, конечно, не было в рецензируемом сборнике. Каждый участник собеседования, посвященного одной теме с неисчерпаемой проблематикой, выступал по наиболее близким и интересным для него вопросам. Это дало мне право, разбирая весь сборник, высказать в заключении также свое личное мнение.

Далеко еще не завершены изыскания и публикации всех материалов по греческой эпиграмме, и в первую очередь нуждаются в обновлении издания Кайбеля и Прегера, без которых нельзя заниматься историей эпиграммы [15]. Для изучения же греческой эпиграммы появление данной книги настолько важное и радостное событие, что оно искупает все ее указанные и не указанные недостатки [16].

«Женевские беседы» были организованы около двадцати лет назад для обмена мнениями по наиболее злободневным и дискуссионным вопросам истории античного мира и его культуры. Отсюда общие достоинства и недостатки всех опубликованных шестнадцати томов, каждый из которых объединялся одной какой-либо темой, но даже в ее пределах не был единообразным, как об этом свидетельствует один из ее последних томов [17].

Н. А. Чистякова

---

[15] G. Kaibel, Epigrammata Graeca e lapidibus conlecta, B., 1878, где собрано всего 1200 эпиграмм. Об издании Прегера см. прим. 11.

[16] Среди последних следует отметить небрежности в ссылках и цитатах. Например, на стр. 378 ошибочны выходные данные неоднократно упоминаемой книги Е. Притвитц-Гаффрон; в указателе на стр. 435 назван известный исследователь пергамских надписей М. Френкель, который, однако, не упоминается ни в текстах докладов, ни в прениях, ссылка же указателя ориентирует на 321 стр., где идет речь о Г. Френкеле.

[17] О тех неожиданностях и пестроте впечатлений, которые несла с собой публикация каждого очередного тома «Бесед», столь отличного от предыдущего и исключающая все прогнозы на будущее, ярко свидетельствует даже выборочный перечень. Так, первый том (1954 г.) состоял из семи докладов и дискуссии о понимании божества от Гомера до Платона. Во втором томе (1956) обсуждались различные аспекты греческого влияния на поэзию римлян от Катулла до Овидия. Том четвертый (1958 г.) был посвящен истории и историкам в античном мире. Тема «Греки и варвары» восьмого тома (1962 г.) в следующем году уступила место Варрону, за которым через год последовал десятый том с Архилохом. Первого греческого лирического поэта сменил в 1965 г. Аристотель своей «Политикой». Греческой эпиграмме предшествовал диспут о происхождении римской республики, а за ней следовали Лукиан (т. XV — 1969 г.) и Менандр (т. XVI — 1970 г.), причем все три последние тома еще не получили откликов ни в советской, ни в зарубежной печати.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ